

Со вчерашнего дня, с того момента, как Ци Синь предложил развод, Е Чжицю пережил очень многое.

Всего за полмесяца он пережил больше взлетов и падений, чем обычный человек за всю жизнь.

Сейчас, сидя в машине, он наконец-то оказался в тишине, рядом не было пристальных взглядов, и все подавленные эмоции нашли выход, начав бурлить.

Е Чжицю закрыл глаза, но тут же открыл их и спокойно, молча смотрел в окно на некогда до боли знакомые пейзажи.

Магазинчик с молочным чаем на углу улицы закрылся. Е Чжицю хорошо помнил это, но вот что появилось на его месте, он никак не мог вспомнить.

Самые счастливые воспоминания в его жизни относились к периоду до девятнадцати лет. А после этого он либо был занят днем и ночью, помогая Ци Синю с его бизнесом, либо страдал от депрессии. Казалось, у него больше не было ни времени, ни желания смотреть на улицы, на то, как меняется город.

Поездка от клуба до семьи Е заняла около получаса, и Е Чжицю почти не менял своего положения.

Только когда машина свернула на дорогу, ведущую к семье Е, он обернулся и случайно встретился взглядом с дядей Ваном в зеркале заднего вида.

— Молодой господин, — сказал дядя Ван, — мы скоро будем дома.

Е Чжицю спокойно ответил, но в душе почувствовал тревогу.

На самом деле он уже много лет не видел дядю Вана, поэтому не заметил в нем никаких особых изменений по сравнению со своими воспоминаниями.

А в его памяти дядя Ван всегда был добр к нему и очень заботился о нем.

Но сейчас все было по-другому, и он не мог не быть осторожным и не остерегаться всего.

Семья Е была не очень большой, прислуги тоже было немного, и только двое из них работали там постоянно: дядя Ван и тетя Чжао.

Оба были стариками, которые были рядом с ним с тех пор, как он себя помнил.

Е Чжицю знал, что тетя Чжао была рядом с Е Хунсянем с давних пор.

Что касается дяди Вана...

Отдельные фрагменты воспоминаний постепенно складывались в его голове, перед глазами Е Чжицю мелькали смутные образы.

— Как быстро летит время, Лао Ван работает у нас уже десять лет, — Е Хунсянь с улыбкой вручил дяде Вану особенно толстый красный конверт. — С этого года у тебя будет двойная премия.

— Это на год меньше, чем я, — наивно сказал тогда еще маленький Е Чжицю, вызвав смех взрослых.

В конце года семья Е выплачивала дополнительную месячную зарплату в качестве премии, а тем, кто проработал более десяти лет, — двойную.

Если он не ошибался, тот Новый год был всего через несколько дней после его одиннадцатого дня рождения.

Значит, дядя Ван пришел в семью Е, когда он был еще младенцем, не достигшим и года.

Примерно в то же время, когда Тао Жоцин появилась в семье Е.

Машина медленно въехала во двор семьи Е, дядя Ван вышел и открыл Е Чжицю дверь.

Было еще не очень поздно, в гостиной на первом этаже и в комнате Е Чжися на втором этаже горел свет.

Е Чжицю вышел из машины и с улыбкой сказал дяде Вану:

— Я немного протрезвею и потом зайду. На улице холодно, иди и отдохни.

— Тогда вы тоже поскорее заходите, — предупредил дядя Ван. — После выпивки легко простудиться на ветру.

Е Чжицю кивнул и, проводив дядю Вана взглядом, развернулся.

Зимний ночной ветер был холодным, тонкое шерстяное пальто тут же продуло насквозь, но Е Чжицю, казалось, не замечал этого, он просто внимательно рассматривал двор, в котором вырос.

Дворик был в точности таким же, как он помнил, словно время здесь остановилось.

Даже бамбуковые качели, хранившие множество его детских воспоминаний, все еще были здесь, слегка покачиваясь на холодном ночном ветру. Е Чжицю подошел и невольно наклонился, чтобы легонько прикоснуться к ним. Прохладное ощущение распространилось по его ладони, но сердце его постепенно теплело.

Говорили, что эти качели потом снесла Тао Жоцин, а на их месте построили чайный павильон.

Е Чжицю его не видел.

Поэтому всякий раз, когда он вспоминал этот дворик, он первым делом думал об этих качелях.

Читать, спать, мечтать или просто ничего не делать, а просто сидеть на них и смотреть на звезды...

Эти качели были с ним так долго.

Ладонь медленно поднялась вверх, Е Чжицю схватился за холодную металлическую цепь.

Как только он собрался сесть, входная дверь на первом этаже внезапно распахнулась изнутри, свет хлынул из дверного проема, мгновенно осветив половину двора.

— Я уже слышала шум, — Тао Жоцин стояла в свете. — Что ты делаешь на улице в такую холодную погоду?

Видя, что Е Чжицю не двигается, она сделала еще несколько шагов навстречу, ее глаза были полны материнской любви и снисходительности.

— Заходи скорее, не то простудишься и опять будет болеть голова.

Е Чжицю хотел рассмеяться, но в душе у него было холодно.

Кто мог бы усомниться в такой Тао Жоцин?

Не говоря уже о нем прежнем, даже он, уже знающий правду, не мог не испытать легкого замешательства.

— Мама, — только спустя некоторое время он медленно выпрямился, уголки его губ изогнулись в улыбке. — Я хотел протрезветь, прежде чем зайти.

— Я так и знала, что ты опять пил, — сказала Тао Жоцин, подходя ближе и ласково беря его за руку. — Смотри, руки совсем холодные.

— Я не много выпил, — Е Чжицю улыбнулся, слегка подняв голову и глядя на сверкающие в ночном небе звезды. — Сегодня звезды очень красивые.

— Разве нельзя посмотреть на звезды в другое время? — Тао Жоцин повела его в дом. — Неужели обязательно в такой холод?

Она ворчала, но в то же время ей было немного смешно.

— Все такой же ребенок.

В комнате было тепло, как весной. Е Чжицю снял пальто и небрежно бросил его в сторону.

— Я поднимусь наверх принять душ.

— Куда ты спешишь? — Тао Жоцин похлопала по месту рядом с собой. — Я знала, что ты не успокоишься, суп от похмелья уже готов, тетя Чжао приготовила. Выпей его, а потом иди.

И спросила:

— Опять с Баобао и Шаоцзюнь?

— Угу, — ответил Е Чжицю.

Только что произнесенное им слово «мама» до сих пор вызывало у него легкий дискомфорт.

Впрочем, всего лишь «легкий».

Он действительно умер однажды, а затем, подобно злему духу, выбрался из ада... По сравнению с этим все остальное было мелочью, не стоящей внимания.

Суп от похмелья был уже теплым, Е Чжицю поднес его к губам и сделал глоток.

У него было маленькое лицо, которое сейчас было наполовину скрыто краем чашки, Тао Жоцин не могла разглядеть его выражения.

Улыбка на ее губах слегка застыла, Тао Жоцин с нескрываемым любопытством смотрела на белоснежную щеку Е Чжицю.

Незадолго до возвращения Е Чжицю она только что закончила разговор с Ци Синем.

Разговор был долгим, Ци Синь подробно рассказал ей обо всем, что произошло сегодня в клубе, и в конце подвел итог:

- Я не могу понять его истинных мыслей и намерений.

Тао Жоцин спокойно выслушала его и была немного удивлена.

Не тем, что Е Чжицю проявил к Ци Синь несколько уничижительное отношение.

А тем, что она прекрасно понимала, какой урон должна была нанести Е Чжицю фраза Ци Синя «дать тебе дом».

В детстве Е Чжицю всегда считал ее своей родной матерью. Пока в шесть лет она специально не попросила кого-то «проболтаться» об этом в его присутствии, он не узнал правду о своем происхождении. Шестилетний ребенок, хоть еще и не очень разумный, но уже кое-что понимающий, находится в самом чувствительном возрасте. В то время, хотя Е Чжицю ничего не говорил, но часто просыпался со слезами на глазах.

Тао Жоцин чувствовала, что часть его чувства безопасности, составлявшая основу его стабильного психического состояния, разрушена.

Маленький Е Чжицю начал капризничать, чтобы снова и снова убедиться, что его любят.

После долгих колебаний, отдалиться или еще больше привязаться к Тао Жоцин, ребенок, у которого больше не было опоры, в конце концов выбрал последнее.

Тао Жоцин безгранично баловала его, казалось, старалась восстановить его чувство безопасности.

Но на самом деле она постоянно разрушала его душевный покой различными мелочами.

Внешне она была гораздо строже к Е Чжэну и Е Чжися, чем к Е Чжицю.

Но та, казалось бы, небрежная близость между ней и ими, а также безмолвное взаимопонимание между матерью и сыновьями, никогда не касались Е Чжицю.

Не говоря уже о том, что с возрастом Е Чжицю постепенно начал понимать, что строгость — это тоже своего рода проявление любви.

Поэтому, даже если все знали, что мачеха Е Чжицю относилась к нему как к родному, и даже сам Е Чжицю уважал ее и был ей благодарен...

Это не означало, что он чувствовал себя в безопасности.

Все эти годы Тао Жоцин тратила на Е Чжицю слишком много времени и сил.

Поэтому она лучше, чем кто-либо другой, знала, насколько сильно Е Чжицю в глубине души жаждал близких отношений без каких-либо барьеров, отношений, основанных на полной взаимной преданности.

Девятнадцать лет, и почти все его близкие отношения уже сложились.

Как и ожидалось, он перенесет это желание на будущие любовные отношения, и, как только он определится, его вовлеченность и самоотдача достигнут предела.

Естественно, идеальная семья также станет одной из его духовных потребностей.

Фраза «дать тебе дом» — это ловушка, которую Тао Жоцин разработала сама, основываясь на своем знании Е Чжицю.

Казалось бы, простая фраза, но она попала ему точно в больное место.

А Ци Синь был на несколько лет старше их и совсем не походил на тех легкомысленных ухажеров, которые окружали юношу раньше.

Такие слова, сказанные Ци Синем, не должны были оставить Е Чжицю равнодушным.

Пока Тао Жоцин была погружена в свои мысли, Е Чжицю уже поставил чашку.

<http://bllate.org/book/14243/1258002>